

На правах рукописи

Никифорова Марина Владимировна

**ДИНАМИКА РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИКА
(на материале устной диалогической речи
мэра Екатеринбурга Е. В. Ройзмана)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена в ФГБОУ ВО
«Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук,
профессор

Чудинов Анатолий Прокопьевич

Официальные оппоненты:

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук,
доцент, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский институт)», доцент кафедры
международных отношений и зарубежного регионоведения

Мардиева Ляйля Агъдасовна, кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится «02» декабря 2016 г. в 16.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.283.02 на базе ФГБОУ ВО «Уральский
государственный педагогический университет» по адресу: 620017,
г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале
информационно-интеллектуального центра – научной библиотеки ФГБОУ
ВО «Уральский государственный педагогический университет» и на сайте
Уральского государственного педагогического университета
<http://science.uspu.ru>.

Автореферат разослан «10» октября 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Дзюба Елена Вячеславовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена реконструкции темпорально-дискурсивной динамики речевого портрета широко известного на Урале политика – главы г. Екатеринбурга, председателя Екатеринбургской городской Думы Евгения Вадимовича Ройзмана.

Становление антропоцентрической парадигмы, определяющей развитие гуманитарного научного знания во второй половине XX века, приводит к актуализации вопроса связи человека и языка. Центральным понятием современной лингвистической науки становится понятие языковой личности, позволяющее рассматривать язык не в качестве статической системы, а с точки зрения ее отражения в сознании носителей языка и в речевой деятельности.

В русле антропоцентрического подхода обостряется интерес к изучению институционального дискурса, в том числе речи представителей различных профессиональных групп. Персонологический подход к исследованию языка в полной мере распространяется и на сферу политической коммуникации. Языковая личность политических субъектов изучается во всем ее многообразии, в различных аспектах и ракурсах. Все чаще появляются работы, посвященные речевому портретированию политиков федерального значения [Алышева 2012; Асланова 2014; Атьман 2011; Вепрева 2007; Гаврилова 2010, 2011, 2012; Есенова 2012; Капанадзе 2005; Кобякова 2002; Крижановская 2011; Мохова 2009; Нехорошева 2012; Нахимова 2007; Паршина 2005, 2005а, 2012; Садуов 2010, 2014; Седых 2016; Сопова 2011; Сорокин 2007; Храброва 2010; Цветкова 2013; Шустрова 2009 и др.]. Однако весьма немногочисленны исследования речи политических субъектов регионального уровня [Асташова 2011, 2013; Еремина, Потысьева 2005; Кобец 2012; Купина 2007, 2016; Осетрова 1999, 2007, 2012; Романцова, Филатова 2007; Фролова 2007].

Множество работ посвящено анализу материалов письменной речи политиков [Гаврилова 2010; Еремина, Потысьева 2005; Осетрова 1999; Романова 2009 и др.], и значительно реже рассматривается устная коммуникация, особенно ее диалогические жанры [Атьман 2011; Енина 2009; Паршина 2005, 2012; Плахотная 2014 и др.]. Между тем, по мнению многих специалистов, именно в формате устной диалогической речи максимально воплощается индивидуальность политика в трех ее взаимосвязанных проявлениях: лингвокогнитивном, лингвопрагматическом и лингвостилистическом.

Значительное число современных российских лингвополитических исследований представляют описание речевого портрета политика на определенном этапе его деятельности (президент, лидер партии, губернатор, сенатор и др.), но лишь в немногих публикациях учитывается темпорально-дискурсивный аспект анализа. Например, в диссертации О. И. Асташовой «Речевой портрет как динамический феномен» [Асташова 2013] сопоставляются лингвопортретные варианты языковой личности Н. Ю. Белых: сначала как лидера оппозиционной партии, а затем – как

назначенного президентом В. В. Путиным губернатора Кировской области. Исследования, в которых на первый план выходит динамика речевого портрета [Астахова 2011, 2013; Лицзюнь, Ичжи 2014; Фролова 2007; Цуциева 2013, 2014], открывают новое направление лингвополитической персонологии, которое можно определить как темпорально-дискурсивное.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена, во-первых, соотнесенностью выбранной темы, эмпирического материала и методов исследования с основными векторами развития современной лингвополитической персонологии; во-вторых, направленностью на динамическое изучение публичного общения в сфере политики; в-третьих, обращением к региональному материалу, который по многим параметрам существенно отличается от федерального. Такой подход, с одной стороны, способствует более глубокому и детальному анализу темпорально-дискурсивных параметров политической коммуникации, а с другой – дает возможность проследить способы воздействия политического дискурса на динамику речевого портрета политика.

Объект исследования – устная диалогическая речь Е. Ройзмана в период его предвыборной кампании и последующей деятельности на посту мэра Екатеринбурга.

Предмет исследования – лингвокогнитивные, коммуникативно-прагматические и индивидуально-стилистические особенности устной диалогической речи Е. Ройзмана, с одной стороны, в период его предвыборной кампании, а с другой – в период его работы на посту мэра Екатеринбурга.

Выбор темы обусловил **цель исследования** – выявление специфики речевого портрета Е. Ройзмана на двух важных этапах его политической деятельности (избирательная кампания и работа в должности мэра), что позволит сформулировать важные для лингвополитической персонологии выводы о соотношении относительно стабильных и склонных к изменчивости свойств речевого портрета политика на различных этапах его деятельности.

Сформулированная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

- обобщить теоретические достижения по речевому портретированию политических деятелей, выделить перспективные направления в отечественной лингвополитической персонологии, теоретически обосновать предложенную методику исследования;
- с учетом темпорально-дискурсивной динамики выявить закономерности варьирования ключевых политических концептов в дискурсе Е. Ройзмана и определить способы их вербализации;
- выявить и сопоставить доминантные метафорические модели в дискурсе Е. Ройзмана и определить их прагматический потенциал, с одной стороны, в период предвыборной борьбы, а с другой – во время исполнения обязанностей мэра;
- определить варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свой – чужие» в речи политика на двух вышеобозначенных этапах деятельности;

– с учетом темпорально-дискурсивной динамики определить тактико-стратегические коммуникативные предпочтения Е. Ройзмана и охарактеризовать свойственный дискурсу политика арсенал лексико-синтаксических и стилистических средств и приемов;

– идентифицировать тип языковой личности Е. Ройзмана с точки зрения речевой культуры и способности к кооперации в общении;

– выделить относительно стабильные характеристики речевого портрета Е. Ройзмана и признаки, которые значительно преобразуются на рассматриваемых этапах его политической карьеры.

К числу задач исследования не относится оценка политических взглядов Е. Ройзмана, этической стороны его политических поступков и эффективности его административно-политической деятельности на посту мэра Екатеринбурга и активного сторонника партии «Гражданская платформа».

Методологию исследования определили работы отечественных и зарубежных ученых в области теории языковой личности [Богин 1984, Виноградов 1980, Воркачев 2001, Иванцова 2002, Карасик 2002, Караулов 1987, Нерознак 1996, Седов 1998 и др.], лингвокультурологии и лингвоконцептологии [Воркачев 2003, Теля 1988, Карасик 2002, Попова, Стернин 2007 и др.], когнитивной лингвистики [Демьянков 2002, Кобозева 2000, Красных 1999, Кубрякова 2004, Лакофф 2004 и др.], лингвистики текста и теории дискурса [Арутюнова 1999, Борботько 2007, Дейк 1989, Макаров 2003, Шейгал 2000 и др.], стилистики и культуры речи [Гольдин, Сиротинина 1993, Граудина, Ширяев 1996, Гридина 1996, Кожина 2012, Костомаров 2005, Сиротинина 2007 и др.], коммуникативной прагматики [Гак 1973, Иссерс 2008, Почепцов 1980 и др.], риторики [Анисимова, Гимпельсон 2004, Михальская 1996, Паршина 2005, Руженцева 2004, Хазагеров 2012 и др.], социолингвистики [Крысин 2003, Николаева 1991, Почепцов 2001 и др.], политической лингвистики [Базылев 2005, Баранов, Казакевич 1991, Блакар 1987, Демьянков 2002, Водак 1997, Серио 1999, Чудинов 2006, Шейгал 2000], в том числе лингвополитической персонологии [Асташова 2013, Вепрева 2007, Гаврилова 2010, Енина 2009, Купина 2007, Осетрова 1999, Паршина 2005, Сорокин 2007, Цуциева 2014, Шустрова 2009 и др.].

В процессе работы использовались следующие **методы** исследования: когнитивно-дискурсивный, коммуникативно-прагматический и стилистический анализ, классификация, обобщение и интерпретация языкового материала, приемы дефиниционного анализа, элементы статистического метода обработки языкового материала.

Материалом для исследования послужили стенограммы и расшифровки аудио- и видеозаписей выступлений политика на федеральных и региональных радиостанциях и телевизионных каналах с июля 2013 по декабрь 2015 гг. Поскольку в настоящее время политические дискуссии на актуальные темы все чаще перемещаются в сетевые издания, в выборку попали многочисленные Интернет-ресурсы: сайты радиостанций «Эхо Москвы», «Эхо Москвы. Екатеринбург», «Радио Маяк», «КП – Урал», «Ра-

дио Свобода», информационные порталы E1.ru, 66.ru, gazeta.ru, gsn.ru и др. В корпус анализируемого материала также включены тексты печатных интервью политика, поскольку, являясь жанром публицистического стиля и существуя по законам кодифицированной системы языковых средств и приемов, они все же сохраняют отдельные элементы устности и в целом отражают специфику вербального поведения интервьюируемого.

Массив исследованного материала составил 40 видео- и аудиозаписей (общее время звучания – более 25 часов), 25 стенограмм теле- и радиointerview и 13 текстов интервью, размещенных на информационных порталах, Интернет-сайтах печатных изданий и официальном сайте Екатеринбургской городской Думы.

Анализ материала производится в рамках лингвокогнитивного, коммуникативно-прагматического и стилистического подходов. В первом случае единицами исследования выступают концепты и метафоры, которыми оперирует языковая личность; во втором – высказывания, вербализующие определенный тактико-стратегический репертуар; в третьем – языковые средства, эксплицирующие лексико-синтаксические и стилистические предпочтения политика.

Научная новизна работы определяется введением в научный оборот большого объема ранее не исследованного эмпирического материала, отражающего специфику индивидуального дискурса российского регионального политика – Е. Ройзмана. В диссертации предложена модель комплексного анализа динамики вербального облика политика с учетом темпорально-дискурсивного фактора, позволившая определить относительно стабильные черты языковой личности Е. Ройзмана (дискурсивный тип личности с точки зрения способности к кооперации в общении, тип речевой культуры, идиостилевые приметы дискурса личности) и признаки, которые значительно преобразуются на различных этапах его политической деятельности (набор семантико-когнитивных признаков в структуре концептов, содержательное наполнение концептуальных полей «своих» и «чужих», спектр имиджеобразующих ролей).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит:

- в развитии методики речевого портретирования политического активиста на основе максимального учета темпорально-дискурсивных факторов (предвыборная борьба, деятельность мэра и др.) и направленности политической деятельности на региональные, общероссийские и/или глобальные проблемы;

- в теоретическом обосновании целесообразности выделения темпорально-дискурсивного субнаправления в рамках лингвополитической персонологии, что позволяет полнее учитывать изменчивость, вариативность реализации языковой личности политика;

- в развитии понятийно-терминологического аппарата лингвополитической персонологии, в частности, в теоретическом обосновании и определении предложенных терминов «темпорально-дискурсивные варианты

речевого портрета» и «темпорально-дискурсивные варианты концептуальной оппозиции «свой – чужие»;

– в уточнении характера взаимосвязи между идеологической ориентацией политика и аспектуальными проявлениями его языковой личности;

– в уточнении характера взаимосвязи между ориентацией политического активиста на региональные и муниципальные проблемы (статус регионально-го политика) и аспектуальными проявлениями его языковой личности.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее материалов в процессе профессиональной подготовки будущих филологов, журналистов, специалистов по связям с общественностью, социологов и политологов. Результаты исследования могут быть использованы при проведении занятий со студентами по когнитивной лингвистике, прагматике речи, теории языковой личности, имиджелогии, а также при подготовке учебных пособий по соответствующим дисциплинам.

Положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Темпорально-дискурсивная модель описания речевого портрета политика, в основу которой положены параметры, присущие уровневой организации языковой личности (по Ю. Н. Караулову), позволяет выявить относительно стабильные характеристики вербального облика политика, проявляющиеся как доминанты языкового сознания и речевого поведения, и характеристики, подверженные варьированию в зависимости от временных рамок анализа и социально-политического статуса говорящего.

2. Ключевым параметром, определяющим динамику речевого портрета Е. Ройзмана в рамках темпорально-дискурсивной модели анализа, являются ценностные установки и ориентации, проявляющиеся в индивидуальном осмыслении дискурсообразующих концептов, характере доминирующих метафорических моделей и распределении оценочных коннотаций в пределах дихотомии «свой – чужие». Изменение ряда ориентиров на ценностной шкале, в свою очередь, детерминирует речеповеденческие трансформации, выражающиеся в специфике применяемых политиком коммуникативных ролей, стратегий и тактик.

3. К стабильным составляющим речевого портрета Е. Ройзмана в рамках темпорально-дискурсивной модели анализа относятся своеобразие индивидуального стиля и типологические характеристики языковой личности – принадлежность к определенному типу речевой культуры и дискурсивный тип личности с точки зрения способности к кооперации в общении.

4. Многоаспектная модель описания речевого портрета в динамике становления его основных характеристик позволяет выявить взаимосвязь между динамическими изменениями в вербальном облике говорящего и спецификой ситуативного контекста, определяющего выбор последним речевых средств и приемов. Речь Е. Ройзмана, занимающего административную должность, по сравнению с выступлениями политика в качестве кандидата на пост мэра, закономерно характеризуется применением языковых единиц разного уровня, маркирующих сферу административно-хозяйственного дискурса.

5. Метод комплексного описания речевого портрета, предусматривающий синтез разноуровневых языковых фактов, выявляет взаимосвязь между федеральным и/или региональным статусом, идеологическими ориентирами и ключевыми проявлениями языковой личности политического деятеля. В основе темпорально-дискурсивных вариантов речевого портрета Е. Ройзмана – стабильный образ народного политика (кандидата / мэра), который формируется в лингвокогнитивном аспекте через поляризацию пространственно-оценочных коннотаций в пределах концептуальной оппозиции «свой – чужие»; в коммуникативно-прагматическом аспекте – через прием социокультурной самоидентификации с жителями города и указание на социокультурную инородность политических оппонентов; в индивидуально-стилистическом аспекте – через усиление разговорного начала речи и использование экспрессивных языковых средств, которые становятся способом солидаризации с рядовым гражданином, демонстрации коммуникативной установки на интерактивный диалог с аудиторией.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет».

Основные положения диссертации были изложены в докладах, представленных на V международной научно-практической конференции-форуме «Языковое образование сегодня – векторы развития» (Екатеринбург, 2014), ежегодной международной конференции «Актуальные проблемы лингвистики – германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург, 2015), 2-ой международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках «Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире» (Екатеринбург, 2015), XXI международной конференции национального объединения преподавателей английского языка в России «Inspire and Aspire: Towards New Teaching Horizons» (Екатеринбург, 2015).

По теме исследования опубликовано 10 работ, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК МОиН Российской Федерации.

Структура диссертационного исследования включает в себя введение, четыре главы, заключение, библиографический список и список источников языкового материала со ссылками на все сетевые ресурсы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы и ее актуальность; формулируются цель, определяемые ею задачи, объект, предмет и методология исследования; раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации; приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретико-методологические основы речевого портретирования регионального политика**» излагаются основные тео-

ретические положения, на которых базируется исследование; характеризуются понятийный аппарат и методика анализа, применяемые в работе.

В первом разделе главы обобщены существующие в современной лингвистике представления о категории языковой личности. Отмечается, что в отечественной науке наибольшее значение для разработки проблемы человека говорящего имела концепция Ю. Н. Караулова. Предложенная им функциональная модель языковой личности стала базовой для последующих поколений исследователей [Воркачев 2001, 2003; Гольдин 1991; Горелов, Седов 2001; Иванцова 1997, 2002, 2008, 2010; Канчер 2000; Карасик 1993, 1999, 2002; Кистайгородская, Розанова 1995; Красных 1993, 2002; Нерознак 1996; Прохоров 1999; Сиротинина 1998, 2003; Седов 1994, 1998, 1999, 2004, 2010 и др.].

На современном этапе развития лингвистической науки подходы к определению объема и содержания понятия «языковая личность» вариативны – акценты расставляются в зависимости от задач исследования. В настоящей работе под языковой личностью понимается конкретный индивид, личность, реализующаяся во множестве производимых ею речевых практик (дискурсов).

В социолингвистических исследованиях, наряду с термином «языковая личность», употребляется термин «речевой портрет». Речевое портретирование представляет собой метод описания языковой личности, а речевой портрет, соответственно, результат этого описания, совокупность различных языковых и речевых характеристик индивида в рамках определенной сферы коммуникации. Речевому портретированию различных типов языковой личности посвящается огромное количество работ. Исследуются те или иные аспекты речи представителей отдельных социальных и возрастных групп: носителей элитарной речевой культуры [Кочеткова 1996] и представителей современной молодежи [Гуц 1995], городских жителей [Лаптева 1995] и диалектоносителей [Иванцова 2002, 2006; Казакова 2005]. В разных аспектах описывается языковая личность современного российского студента [Леорда 2006; Солодянкина, Хвостова 2012; Шарифуллин 2005], школьника [Константинова, Илюхина 2012; Тарасенко 2007], солдата [Гафарова 2006], русского эмигранта [Земская 2000], современного русского интеллигента [Крысин 1994] и т.д.

Вторая половина XX века отмечается повышением интереса к речевому портретированию представителей различных профессиональных групп. В этой связи не остается без внимания и сфера политической коммуникации. Политический деятель выступает, с одной стороны, как носитель индивидуальных коммуникативно-прагматических и лингвостилистических характеристик, а с другой стороны – как представитель целого класса, тип профессиональной языковой личности, несущей в себе признаки групповой принадлежности и отражающей общие тенденции и закономерности функционирования языка сферы политики.

В качестве рабочих определений базовых понятий «языковая личность политика» и «речевой портрет политика» в диссертационном исследовании предлагаются следующие формулировки: языковая личность политика – *это лич-*

ность, формирование и актуализация которой происходит в сфере политической коммуникации и определяется комбинаторикой индивидуальных и институциональных коммуникативно-речевых проявлений; речевой портрет политика – это метод и результат анализа аспектуальных проявлений языковой личности политического субъекта в рамках профессиональной коммуникации.

Теоретико-методологические аспекты изучения политической коммуникации и речевого портретирования в политической лингвистике раскрываются во **втором и третьем разделах** первой главы диссертации.

Политический дискурс, рассматриваемый как интегративный, многомерный феномен, является особым типом институциональной коммуникации и дискурсивной средой, в рамках которой осуществляется речевая практика политических субъектов. Применяемый в настоящей диссертации термин «индивидуальный дискурс политика» понимается как *фрагмент политического дискурса, отражающий речевую практику конкретного политического субъекта.*

Политический дискурс как объект относительно молодой, но активно развивающейся дисциплины – политической лингвистики – исследуется в различных аспектах и ракурсах. В ряде исследований интерес ученых направлен на изучение отдельных уровней политического языка (фонетики, лексики, фразеологии, синтаксиса) [см. Бушев 2009; Земская 1996; Хаззагеров [http](http://); Черникова 2001 и др.]. Большое количество работ посвящено анализу коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик в политической речи [Атьман 2011; Иванова 2003; Иссерс 2008; Паршина 2005; Руженцева 2004; Халатян 2010; Чудакова 2009; Шейгал 2000 и др.]. Значительное количество публикаций направлено на выявление специфики отдельных жанров и стилей политического языка [см. Артемова 2009; Атьман 2011; Данилов 2001; Иванова 2003; Мадалиева 2011; Стекова 2011 и др.].

Для настоящей диссертации особый интерес представляет направление политической лингвистики, которое занимается изучением речи конкретных политических субъектов, – лингвополитическая персонология [Алышева 2012; Асланова 2014; Асташова 2011, 2013; Дементьева 2011; Енина 2005; Еремина, Потысьева 2005; Капанадзе 2005; Кобякова 2002; Кондратьева 2010; Кошкарлова 2011; Крижановская 2011; Кричун 2011; Купина 2007, 2016; Макарова 2011, 2012; Минаева 2012; Михальская 1999; Нехорошева 2012; Осетрова 1999, 2007, 2012; Романова 2009; Садуов 2010; Сорокин 2007; Чудинов 1997; Шустрова 2009 и др.]. Данное направление, оформившееся на стыке лингвополитологии и лингвоперсонологии, помогает раскрыть новые грани феномена профессиональной языковой личности, а также вносит вклад в исследование политической коммуникации, выявляя ее дискурсивную и национально-культурную специфику.

В рамках лингвополитической персонологии можно обозначить несколько групп исследований с точки зрения предмета изучения: описание когнитивной составляющей речи политиков [Гаврилова 2010, 2011, 2012; Еремина, Потысьева 2005; Нехорошева 2012; Фенина 2008 и др.]; исследование речевого поведения политиков в содержательно-коммуникативном аспекте [Асташова 2011;

2013; Осетрова 1999, 2007, 2012; Седых 2011; Цветкова 2013 и др.]; риторическое портретирование политических деятелей [Вепрева 2007; Макарова 2011, 2012; Михальская 1999; Обвинцева 2012, Паршина 2005; Плахотная 2014; Чудинов 1997 и др.]; анализ акустических характеристик речи политиков [Алышева 2012; Голошумова 2002; Ковалев 2006 и др.].

В отношении объекта лингвополитической персонологии также можно выделить несколько групп исследований, которые классифицируются по гендерному, историческому, идеологическому, территориальному и другим параметрам.

Для настоящей работы интерес представляет субнаправление лингвополитической персонологии, исследующее динамические процессы в языковом сознании и речевом поведении политика, обусловленные временными рамками и ситуативным контекстом. Данное субнаправление обозначается как темпорально-дискурсивное [см. Асташова 2013; Фролова 2007; Цуциева 2012, 2014 и др.].

В **четвертом** разделе первой главы описывается модель анализа речевого портрета, позволяющая реконструировать динамику вербального облика регионального политика во временном континууме и ситуациях профессиональной деятельности, то есть в рамках конкретной темпорально-ситуативной организации фрагмента политического дискурса.

Применяемая в диссертационном исследовании темпорально-дискурсивная модель анализа предполагает описание вербального облика политического субъекта регионального уровня в динамике становления его основных характеристик. Поскольку изучение динамических процессов в речевом поведении языковой личности предусматривает фиксацию результатов на промежуточных стадиях, для решения поставленных задач в метаязык исследования введен термин *«темпорально-дискурсивный вариант речевого портрета»*, под которым понимается *совокупность аспектуальных проявлений языковой личности политика в определенный период времени и в рамках конкретной ситуативной организации, то есть в контексте занимаемой должности и с учетом дискурсивных параметров коммуникации*, в данном случае – устной диалогической речи. Применяемая темпорально-дискурсивная модель предусматривает, таким образом, учет трех факторов, один из которых остается неизменным (формат коммуникации – устная диалогическая речь), а два – вариативными (временные рамки и политический статус говорящего).

Анализ языкового материала позволил выделить два темпорально-дискурсивных варианта речевого портрета Е. Ройзмана, соответствующих двум этапам его политической деятельности. Первый (июль – сентябрь 2013 г.) охватывает период с начала предвыборной борьбы за пост мэра Екатеринбурга до официального вступления Е. Ройзмана в должность Главы города. Второй этап (октябрь 2013 – настоящее время) – деятельность Е. Ройзмана в должности мэра Екатеринбурга и Председателя городской Думы. Параллельный анализ обозначенных речепортретных вариантов политика направлен на выявление как стабильных характеристик его языковой личности, не зависящих от темпорально-дискурсивного фактора, так и адаптационных изменений, соот-

ветствующих условиям нового социально-политического контекста.

Обозначенные варианты речевого портрета Е. Ройзмана рассматриваются в трех аспектах, соответствующих уровням языковой личности, по Ю. Н. Караулову: 1) лингвокогнитивном, 2) коммуникативно-прагматическом и 3) индивидуально-стилистическом. Лингвокогнитивный аспект анализа отражает основные ценностные ориентиры и установки языковой личности политика, раскрывающиеся в индивидуальной интерпретации дискурсообразующих концептов и системе применяемых политиком концептуальных метафор; коммуникативно-прагматический аспект направлен на выявление закономерностей речевого поведения политика в терминах коммуникативных ролей, стратегий и тактик; индивидуально-стилистический аспект предполагает описание характерных для политика способов и приемов употребления речевых единиц разного уровня, что позволяет выделить в речи политического деятеля то, что, с одной стороны, является общим и нормативным, а с другой – проявлением индивидуальности. На основании результатов анализа тактико-стратегических и стилистических предпочтений политика также определяется тип его языковой личности с точки зрения речевой культуры и способности к кооперации в общении.

В качестве ключевого параметра измерения стабильности / изменчивости речепортретных характеристик политика в работе рассматривается многоаспектная категория оценки, которая коррелирует с различными уровнями организации языковой личности говорящего и в зависимости от аспекта изучения и применяемых научных методов может трактоваться как семантико-когнитивная, функционально-прагматическая или стилистическая категория. В рамках представленной темпорально-дискурсивной модели речевого портрета оценка 1) является обязательной составляющей политических концептов и формирует идеологическую основу дискурса политика; 2) в рамках коммуникативно-прагматического анализа реализует функцию репрезентации ценностного отношения говорящего к различным социально-политическим реалиям, а также становится средством формирования имиджа политика; 3) представляет интерес с точки зрения фиксации оценочного значения, раскрывая своеобразие индивидуального стиля говорящего.

Во второй главе **«Речевой портрет регионального политика: лингвокогнитивный аспект»** выявляется динамика лингвокогнитивной составляющей речевого портрета мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана с учетом темпорально-дискурсивного фактора.

Для экспликации основных ценностных ориентиров Е. Ройзмана были выбраны два базовых концепта политической сферы – *власть* и *народ*, как наиболее значимые для публичного дискурса любого должностного лица, – и топонимический концепт [см. Щербак 2009: 174] *Екатеринбург*, как ключевой региональный образ в дискурсе политика. Специфика индивидуального варьирования данных концептов в речи Е. Ройзмана выявляется с применением трехкомпонентной модели анализа [см. Карасик 2002], дополненной нами в соответствии с задачами настоящего исследования. В рамках ценностной составляющей концептов *власть* и *народ* выделяются два уровня осмысления – об-

щенациональный и региональный. Обособление второго уровня позволяет, во-первых, сделать ряд важных дифференцирующих уточнений, касающихся специфики регионального компонента вербального облика политика, а, во-вторых, выявить динамику формирования его ключевых идеологических ориентиров. Кроме того, при выделении семантико-когнитивных признаков в структуре концептов *народ* и *Екатеринбург*, помимо общеязыкового понятийного компонента, рассматривается субъективный, индивидуально-авторский [см. Дзюба 2001] компонент, в рамках которого продуцируются дополнительные оттенки значений, релевантные для дискурса политика.

Проведенный анализ выявил динамический характер индивидуальной интерпретации концептов *власть*, *народ* и *Екатеринбург* в речи Е. Ройзмана. Динамика в содержательном компоненте обозначенных концептов обусловлена тематической спецификой текстов выступлений политика на разных этапах его деятельности. Набор семантико-когнитивных признаков, актуализируемых политиком в период выборов, остается доминантным и в период мэрства, однако дополняется рядом ключевых и второстепенных концептуальных смыслов, обусловленных спецификой локально-хозяйственной и представительской деятельности Е. Ройзмана в качестве Главы Екатеринбурга. Особенно показательна динамика содержательного компонента топонимического концепта *Екатеринбург*. Если в период выборов ключевыми являются субъективные семантико-когнитивные признаки «крупный региональный центр» и «малая родина», способствующие актуализации имиджевых амплуа Патриота и Народного избранника, то в речи Е. Ройзмана-мэра не менее значимыми становятся признаки столичности и европоориентированности Екатеринбурга, способствующие формированию статусного имиджа самого города в региональном и общенациональном геополитическом пространстве. Ср.: *Екатеринбург давно перерос свой статус областного города. (...) Следовательно, совершенно разумный ход – сделать Екатеринбург городом федерального подчинения. (...) Екатеринбург станет более самостоятельным и станет выполнять столичные функции – превратится в третью столицу* [kr.ru. 05.12.2013]; *Но я вам скажу, Екатеринбург, конечно, вписывается в европейские города, это открытый, мощный, красивый европейский город и достаточно ухоженный* [РС «Маяк». «Гость в студии». 22.05.2014]. Таким образом, в речи Е. Ройзмана-мэра Екатеринбург на региональном уровне предстает как сильный и независимый областной центр, противостоящий «чуждому» областному руководству, а на общенациональном (и отчасти международном) уровне – как третья столица страны и крупный европейский город, отвечающий высоким международным стандартам и имеющий важное экономико-политическое значение.

Специфика осмысления ценностной составляющей концептов *власть*, *народ* и *Екатеринбург* в дискурсе Е. Ройзмана-кандидата в мэры и Е. Ройзмана-мэра определяется динамическим характером противопоставления «свои – чужие». В зависимости от политической ситуации к числу «своих» и противостоящим им «чужих» в дискурсе Е. Ройзмана причисляются различные политические субъекты. Так, на этапе выборов Е. Ройзман в своих вы-

ступлениях последовательно использует оппозицию «свои – чужие», где «свои» – это местные жители, народ Екатеринбурга, а «чужие» – приезжие чиновники из областного правительства, руководители силовых структур, а также московские журналисты, освещавшие предвыборные кампании кандидатов на пост Главы города. Ср.: *Они же принимают решения кулуарно // Они же у нас / жителей города / не спросили* // [РС «КП – Урал». «Политика: в России». 19.07.2013]; *Наша проблема – это именно губернатор-назначенец, который своим уровнем не соответствует уровню города* [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]. Положительная динамика в отношении муниципальной власти в период работы на посту мэра города позволяет Е. Ройзману значительно расширить круг «своих», включив в него не только население Екатеринбурга, но и сотрудников городской Администрации, депутатов городской Думы, а в некоторых случаях и всех жителей Свердловской области. Одновременно приобретает более узкие границы круг «чужих», к числу которых относятся преимущественно тюменские «чиновники», возглавляющие органы власти Свердловской области, а также в некоторых случаях руководство области в целом. Ср.: *У нас у власти сейчас находится тюменский клан // Губернатор приезжий у нас // Он собрал вокруг себя тюменцев* // [ТК «41 – Домашний». «Послесловие к новостям». 14.10.2015]; *Если мы не планируем уезжать из этого города / и здесь останутся жить наши дети / то платить эти долги будем мы / которые здесь родились и выросли / а не те несколько тюменцев / которые их занимали / и которые рано или поздно уедут* // [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 26.11.14.]. Таким образом, наиболее устойчивым и идеологически значимым параметром, по которому мэр Екатеринбурга дифференцирует социально-политическое пространство региона на «своих» и «чужих», признается территориальный признак, основанный на социокультурной идентичности / инородности, где круг «своих» носит исключительно гетерогенный характер и охватывает максимальное количество потенциальных сторонников, а круг «чужих», напротив, четко очерчен и включает в себя ограниченное число представителей региональной власти, которые, как правило, приехали (были присланы) из Тюмени (Тюменской области). В итоге базовая оппозиция «свои – чужие» конкретизируется и приобретает вид частной оппозиции: «жители Екатеринбурга – тюменские (по происхождению) чиновники (тюменский клан)». Показательна асимметрия этой оппозиции: руководителям Свердловской области противостоят не руководители, а «жители Екатеринбурга», причем при таком подходе Екатеринбург оказывается как бы вне границ Свердловской области.

Дифференциация социально-политического пространства региона на «своих» и «чужих» по признаку социокультурной идентичности / инородности приобретает в речи политика открытый идеолого-манипулятивный характер. Е. Ройзман приписывает стабильному признаку – признаку пространственной принадлежности политического субъекта – качественные характеристики, создавая принципиально неравнозначное, но прагматически эффективное проти-

вопоставление: «свои», то есть жители Екатеринбурга – хорошие, «чужие», то есть тюменские чиновники – плохие. В этом смысле показательным становится применение политиком топонимов *Екатеринбург* и *Тюмень* и оттопонимических образований *екатеринбуржцы*, *свердловчане*, *тюменцы*, *тюменские*. *Екатеринбург* в речи Е. Ройзмана характеризуется исключительно положительно-оценочной лексикой и употребляется в контексте слов с яркой патриотической семантикой. Ср.: *Не забудьте своим детям сказать / что Екатеринбург / это самый лучший город / нам здесь есть чем гордиться / и что беречь / и надо чтобы наши дети любили наш город* // [РС «КП – Урал». «Гость в студии». 27.02.2014]. Топоним *Тюмень* как город «чужих», напротив, маркируется отрицательно-окрашенными лексическими единицами и оскорбительно-саркастической тональностью. Ср.: *Представляет / приезжает человек из Тюмени и говорит / я у вас заберу // Зачем забирать-то? Ты лучше что-нибудь отдай!* [ТК «ЕТВ». «Сумма мнений». 29.09.2015]; *Никто не спросил мнение жителей города // Я считаю что это неуважение к жителям города // И в Екатеринбурге так нельзя // И каждый / кто приехал там из Тюмени / он должен понимать / здесь надо разговаривать с горожанами / с уважением* [ТК «41 – Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 17.11.2014]. Топонимическая пара «Екатеринбург – Тюмень» становится, таким образом, идеологической оппозицией, в которой приписывание оценочного знака связано с качественными показателями уровня города, его статусом. Ср.: *У нас говорят: «Тюмень – столица деревень». Там свой уровень, здесь свой уровень* [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]; *Екатеринбург – это третий город страны* [ТК «Дождь». «Говорите с Ю. Таратутой». 14.04.2014]; *Замечательный / хороший город // Он действительно один из лучших городов в стране* // [РС «КП – Урал». «Гость в студии». 11.06.2014].

Номинации *тюменцы* и *тюменские* также регулярно используются Е. Ройзманом как аксиологически маркированные знаки. Многократное упоминание данных лексических единиц в экспрессивно-оценочном контекстуальном окружении способствует «окачеству» стабильного признака – нейтрализации языковой семантики «пространственной принадлежности» и, напротив, гиперболизации прагматического значения «низкого уровня профессионализма». Ср.: *Пока что приезжие тюменцы находят только один вариант / два варианта (...) Первое / брать кредиты // А второе / доить Екатеринбург // Ну это слишком простой / я бы сказал / примитивный способ хозяйствования* // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 05.10.2015].

Усиление признака *чуждости* отмечается за счет введения дополнительного параметра – противопоставления по политическому статусу *избранный / назначенный*, который позволяет политику акцентировать мысль о незаинтересованности областного руководства в развитии Екатеринбурга. Ср.: *Представляет / ситуация какая // Губернатор / назначенец / приезжий // Начальник полиции / приезжий / назначенец // (...) И сейчас еще Куйвашев хочет своего сити-менеджера / поставить управлять городом* // [РС «КП – Урал». «Политика: в России». 19.07.2013].

Анализ метафорических репрезентаций в дискурсе Е. Ройзмана выявил их различную частотность и прагматический потенциал. С точки зрения частотности, наибольшее количество метафорических словоупотреблений приходится на понятийные сферы «Человек» и «Социум» (более 30%). Наибольшим прагматическим потенциалом в речи политика обладают метафоры субсфер «Война» и «Криминальный мир», раскрывающие сложности политического взаимодействия властных субъектов областного и городского уровней и способствующие резкой поляризации регионального политического пространства на «своих» и «чужих». Ср.: *И смотрите / каждый раз / каждый приезжий губернатор / у него обязательно маниакальная задача / город победить // Еще ни разу / Екатеринбург / за всю его историю / никто не победил* [ТК «РБК». «Открытый вопрос». 28.11.2014]; *Я знаю что губернатор ставил задачу / до февраля / зачистить мэрию от меня // Но у них это не получилось* [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 26.11.14]; *Никто не понял / что произошло // Но все поняли одну вещь / что мы имеем дело с наперсточниками* // [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 15.07.2015].

Концептуальные метафоры в речи Е. Ройзмана, с одной стороны, отражают дискурсивную специфику этапов его политической деятельности, а с другой стороны, являются экспликацией его идеологических ориентаций и прагматических установок. К дискурсивным факторам, влияющим на выбор политиком метафорических единиц, в первую очередь относится содержательная составляющая текстов его выступлений. Так, в период мэрства в речи Е. Ройзмана закономерно сокращается количество спортивных метафор, эксплицирующих соревновательную тематику предвыборных выступлений, и, напротив, в несколько раз увеличивается количество метафор субсферы «Неживая природа»: в образах природных стихий и явлений Е. Ройзманом метафорически переосмысливаются различные вопросы экономического и социально-политического характера, возникающие в ходе обсуждения его локально-хозяйственной деятельности. При этом значительная часть метафор данной субсферы относится к разряду стертых. Ср.: *инвестиционный климат, поток туристов, политическая атмосфера, транспортный коллапс* и др.

Динамика идеологических ориентиров политика обнаруживается в количественных и качественных изменениях метафорических словоупотреблений в рамках субсфер «Война» и «Криминальный мир». Количественные изменения выражаются в сокращении общего числа криминальных метафор в дискурсе Е. Ройзмана-мэра, что обусловлено изменением круга «чужих», к которым после выборов относятся лишь представители областной власти. К качественным изменениям мы относим актуализацию в мэрском дискурсе политика частной метафорической модели «ГОРОДСКАЯ И ОБЛАСТНАЯ ВЛАСТЬ – ВОЕННЫЕ ПРОТИВНИКИ», свидетельствующую о расширении круга «своих», о положительной динамике оценки представителей муниципальной власти.

Третья глава «Речевой портрет регионального политика: коммуникативно-прагматический аспект» характеризует динамику речевого портрета Е. Ройзмана с коммуникативно-прагматических позиций.

С опорой на классификацию О. Н. Паршиной [Паршина 2005] были выделены следующие стратегии, значимые для дискурса Е. Ройзмана как на этапе избирательной кампании, так и в период мэрства: самопрезентации, дискредитации, самозащиты, контактоустанавливающая и информационно-интерпретационная стратегии. Дифференциация темпорально-дискурсивных вариантов речевого портрета политика прослеживается на уровне вербально-тактического исполнения и частоты применения указанных стратегий, а также в содержательном компоненте реализующих их языковых единиц.

Анализ текстового материала показал, что в основе реализации самопрезентационной и дискредитирующей стратегий – прием апелляции к территориальной принадлежности: позиционируя себя истинным патриотом и народным избранником, Е. Ройзман отождествляет себя с жителями города, со всеми, кто «родился и вырос в Екатеринбурге»; дискредитируя «чужих», политик закономерно апеллирует к их социокультурной инородности. Ср.: *Эти люди приехали и уехали / а нам-то здесь жить / мы отсюда уезжать не собираемся* // [кр.гу. 19.07.2013]; *И когда города-миллионники хотят отдать приезжим назначенцам / чтобы они решали / не те люди / которые здесь родились и выросли / у которых дети здесь живут / и которые не уезжают отсюда / а людям / которые сегодня пришли / завтра ушли / наделали долгов / исчезли / это же все нам остается / это же нам надо платить* // [РС «Эхо Москвы Екатеринбург». «Интервью». 09.06.2014].

К качественным изменениям в плане реализации самопрезентации в период мэрства Е. Ройзмана по сравнению с домэрским периодом является включение в спектр ключевых имиджевых амплуа, наряду с коммуникативными ролями Патриота, Народного избранника и Борца за социальную справедливость, коммуникативной роли Командного игрока, демонстрирующей солидарность политика с действиями представителей городских властей. Ср.: *Мы все точно также в этом городе родились и выросли / и нам всем здесь жить / и нашим детям жить / и мы точно также считаем / думаем / ищем / приводим аргументы / то есть мы точно такие же / как все остальные жители* // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 13.07.2015].

Темпорально-дискурсивная специфика стратегии дискредитации, также детерминированная динамикой оппозиции «свой – чужие», проявляется в зависимости дискредитирующих средств и приемов от объекта вербального разоблачения. Доминирующей тактикой в отношении приезжих силовиков и журналистов, освещавших ход избирательной кампании по выборам мэра Екатеринбурга, становится тактика оскорбления. Ср.: *Прислали такого Бородина, на мой взгляд, один из самых бездарных руководителей ГЛАВКа* [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]; *Когда против тебя работают дебилы / дебилам главное не мешать* // (...) *Еще там появились какие-то карауловы / там / доренки* // *Их извлекли там / отряхнули от нафталина / откуда-то*

из пыльных шкафов / и всех их / как клоунов ... // Их не воспринимают здесь // [ТК «Продвижение». «Лица». 21.11.2014]. В отношении регионального правительства – губернатора и его команды – ведущей тактикой дискредитации выступает тактика обвинения. Ср.: *Это деньги / которые жители города зарабатывали // И то что у нас их забирают / я считаю / что это неразумная / неконструктивная политика области / ну и в общем-то скажем прямо / плохое хозяйствование //* [ТК «41 – Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 21.09.2015]. В период мэрства в речи Е. Ройзмана также отмечается увеличение имплицитных способов дискредитации, в частности, намека и иронии. Ср.: *Если эти деньги (два процента НДФЛ – М.Н.) отнимут / это просто показывает отношение чужаков / пришельцев к Екатеринбургу //* [ТК «41 – Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 21.09.2015]; *Противостояние между городом и областью существует уже 200 лет // (...) Но очень сложно / совместить идеологию коренного жителя / с мировосприятием командировочного //* [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 24.12.2014].

Стратегия самозащиты, контактоустанавливающая и информационно-интерпретационная стратегии в речи Е. Ройзмана демонстрируют стабильность вербально-тактического исполнения на разных этапах деятельности политика. Выявленная стабильность, с одной стороны, обусловлена спецификой устной диалогической коммуникации, а с другой, постоянством прагматических задач, с решением которых связано применение названных стратегий: контактоустанавливающая стратегия реализуется в речи Е. Ройзмана как способ интеграции с массовым адресатом и средство эмфатизации деталей высказывания, ср.: *Ну если не мы / то кто ? (...) Ну мы же у себя дома не пакостим / ну город / это наш дом //* [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». 09.06.2014]; стратегия самозащиты – как способ борьбы за чистоту имиджа, ср.: *Я не контактирую с «Единой Россией», но я общаюсь со всеми членами «Единой России», которые достойные люди. (...) На уровне муниципальной власти партийную принадлежность надо как можно дальше задвигать* [ТК «Дождь». «Говорите с Ю. Таратутой». 14.04.2014]; информационно-интерпретационная стратегия – как возможность комментирования и выражения собственной точки зрения по различным вопросам, ср.: *Я уверен, что если подойти разумно к этой ситуации, то можно сохранить все, там места хватит и для храма, и для сквера, и для фонтана* [Е1.ru. 07.03.2014]. Темпорально-дискурсивная специфика указанных стратегий обнаруживается в частотности применения, а также в своеобразии содержательного компонента реализующих их языковых единиц.

На основании результатов анализа тактико-стратегического репертуара политика также сделаны выводы о типе его языковой личности с точки зрения способности к кооперации в общении. Е. Ройзман представляет собой смешанный (гибридный) тип личности, демонстрирующий комбинаторику свойств кооперативного актуализатора и конфликтного агрессора. В ряде фрагментов, где истинным адресатом сообщения являются жители Екатеринбурга, Е. Ройзман проявляет себя как кооперативно-актуализаторский тип языковой личности, о чем свидетельствует применение им контактоустанавливающих

тактик прямого обращения, идентификации и моделирования диалога с адресатом, а также тактик отождествления и солидаризации с адресатом в рамках самопрезентационной стратегии. На языковом уровне это проявляется в активном использовании *мы*-форм, вопросно-ответных единств, повторов, апеллятивов с положительным оценочным значением. В других фрагментах политик демонстрирует проявления конфликтно-агрессивного типа личности, на что указывает использование им тактик оскорбления в целях дискредитации политических оппонентов и нападения в целях самозащиты, высокая частотность милитарных и криминальных метафор, обладающих дискредитирующим потенциалом, а также саркастичность и понижение регистра речи как реакция на обвинение в непосредственном диалоге с журналистом-интервьюером.

Анализ индивидуального дискурса Е. Ройзмана в четвертой главе диссертации – **«Речевой портрет регионального политика: индивидуально-стилистический аспект»** – опирается на понятие индивидуального стиля и направлен на выявление авторских особенностей организации дискурса на уровне отбора языковых средств и их реализации с учетом темпорально-дискурсивной динамики.

Под индивидуальным стилем в диссертационной работе понимается «совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц – как в качественном, так и в количественном отношениях – в рамках данного функционального стиля, жанра, текстовой категории и т.п. Идиостиль соотносится поэтому не с языковой личностью вообще, а с языковой личностью в определенной социальной роли субъекта речи» [Котурова 2006: 96].

Анализ индивидуального дискурса Е. Ройзмана в стилистическом аспекте позволил сделать вывод об относительной стабильности лексико-синтаксических и изобразительно-выразительных средств и приемов, применяемых политиком на разных этапах его политической деятельности. Выявленная стабильность обусловлена, с одной стороны, неизменностью сферы общения и формата коммуникации, к которому относятся тексты рассматриваемых выступлений политика, и, с другой стороны, устойчивостью имиджевых доминант в коммуникативном облике политика. В то же время анализ материала позволил выявить отдельные закономерные с точки зрения темпорально-дискурсивного фактора изменения в речи Е. Ройзмана, обусловленные увеличением контекстов, иллюстрирующих вопросы его хозяйственной и представительской деятельности. К динамическим изменениям относится увеличение экономической и профессиональной лексики, специфицирующей тематическое своеобразие выступлений Главы города, а также дискурсивных элементов, используемых политиком для освещения проблемных вопросов социально-политического и экономического характера.

В целом для индивидуального дискурса Е. Ройзмана характерна ориентация на разговорный стиль речи, стремление излагать мысли в максимально доступной форме и быть понятым массовой аудиторией. К выявленным в ходе лингвистического анализа лексическим приметам идиостиля Е. Ройзмана отно-

сятся высокая концентрация разговорной и просторечной лексики, ср.: *дом воткнуть, не переломиться, впахивают, здоровенный, всерьез, с лишним*; смещение в узком контексте слов с разной стилиевой окраской, ср.: *Приходится идти на негласные компромиссы: сегодня участники процесса помогли тебе, и ты добился, чего хотел, а завтра самому придется идти на уступки*. [Интервью Е. Ройзмана журналу «Деловой квартал». 23.09.2015]; *Информации о количестве наркоманов нет никогда и ни у кого. Когда кто-то излагает такие цифры, он врёт* [izvestia.ru. 01.08.2013].

На синтаксическом уровне отмечается широкое употребление средств разговорного синтаксиса: простых нераспространенных и безличных предложений, ср.: *Проблема растет. Основные потребители сейчас это с 1990 по 2002, уже по 2003 год рождения. В основном молодежь. Это курительные смеси. Последствия там зачастую необратимые* [РС «Эхо Москвы». «Блог-Аут». 16.07.2015]; сегментированных и парцелированных конструкций, ср.: *Но о том, что меня посадят, я слышу 14 лет. И перед выборами в Государственную Думу, и после выборов в Государственную Думу. Я слышал это всегда* [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 08.09.2013]; дискурсивных слов и метакommunikативных фраз, ср.: *я считаю, я уверен, действительно, возможно и др.*; приемов акцентирования и диалогизации общения – различных видов лексико-синтаксических повторов, риторических вопросов и вопросно-ответных единств, ср.: *Я считаю / что в индустриальном городе / ни на один квадратный метр / зеленая зона не должна уменьшаться / ни на один квадратный метр* // [ТК «41 – Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 21.09.2015]; *Почему нельзя отменять прямые выборы мэров? Это очень серьезный вопрос // Выборы мэров / это последняя возможность для населения / принимать непосредственное участие в политической жизни своего региона* // [gazeta.ru. «Главная тема». 14.04.2014].

Анализ изобразительно-выразительных языковых средств в идиостиле Е. Ройзмана выявил высокий уровень метафоризации и фразеологизированности речи, обилие исторических ссылок и различных форм комического. Ср.: *Любая мечта о мести, о возмездии – это гири на ногах* [ТК «Дождь». «Собчак живьем». 10.09.2013]; *Мы будем делать платные парковки в центре города. Мало того, я думаю, что со временем есть идея центр города сделать пешеходным. Просто все привыкли подъезжать на машине к дверям супермаркетов* [РС «Маяк». «Гость в студии». 22.05.2014].

В качестве безусловной приметы идиостиля Е. Ройзмана отмечается открытая оценочность речи. Оценочные языковые единицы в выступлениях политика характеризуются полифункциональностью. Во-первых, они являются важной характеристикой личности самого политика, поскольку содержат биографический отпечаток и отражают специфику его интересов. В частности, огромное количество экспрессивно окрашенных оценочных единиц содержится в высказываниях Е. Ройзмана, освещающих особенно острую для него – ввиду предшествующей профессиональной деятельности – тему наркомании, ср.: *героиновые ворота, нарколыга, страшные наркотики, токсикоцентры забиты* и др. Во-

вторых, оценочные единицы выступают в качестве маркеров оппозиционности по отношению к областным властям и одновременно служат средством самопрезентации политика в глазах массовой аудитории, ср.: *Выборы закончились // Мы их выиграли // Выиграли очень красиво / очень чисто // Выиграли / не используя никаких грязных и подлых технологий // Очень честная и открытая была кампания* // [Первый брифинг после выборов. 09.09.2013].

Проведенный анализ также выявил прагматический потенциал лексико-синтаксических и изобразительно-выразительных средств в речи Е. Ройзмана с точки зрения соответствия создаваемому им имиджу народного кандидата, а впоследствии народного мэра. Выбор этих средств определяется ситуацией коммуникации и спецификой аудитории. В целом, однако, констатируется доминирование в речи политика разноразрядных разговорных элементов, которые становятся средством экспликации образа «своего парня», способом солидаризации с рядовым гражданином, демонстрации коммуникативной установки на доступность и открытость политика для аудитории.

В аспекте индивидуального стиля также охарактеризован тип языковой личности Е. Ройзмана с точки зрения речевой культуры. Анализ показал, что в речесловесном плане в формате устной диалогической речи Е. Ройзман демонстрирует проявления неполнофункционального типа речевой культуры, для которого характерно преимущественное следование языковым нормам с многочисленными отступлениями от них. В ряде фрагментов политику свойственны черты литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры, характеризующегося намеренным употреблением вульгаризмов и жаргонизмов при общей корректности суждений. Ср.: *Кто-то считает / что совсем не обязательно загибать население / и население достаточно разумно / чтобы регулировать все процессы самостоятельно* // [gazeta.ru. «Главная тема». 14.04.2014]. По замечанию О. Б. Сиротининой, литературно-жаргонизирующий тип – не столько особый тип речевой культуры человека, сколько создаваемое им впечатление [Сиротинина 2006: 345]. В текстах выступлений Е. Ройзмана жаргонизация речи носит явно намеренный характер и направлена на формирование образа «своего парня», современного и прогрессивного политика, который говорит на языке своей аудитории и «не боится называть вещи своими именами».

В **Заключении** подведены основные итоги исследования, сформулированы обобщающие выводы и намечены перспективы дальнейшей работы в заданном направлении.

Проанализированные речевые репрезентации Е. Ройзмана на двух этапах его политической деятельности свидетельствуют как о стабильности значимых фрагментов его речевого портрета, так и о существенных изменениях в его коммуникативно-речевом поведении и смене ряда ориентиров на ценностной шкале. К стабильным составляющим вербального облика политика в рамках устной диалогической коммуникации относятся своеобразие индивидуального стиля и типологические характеристики языковой личности – тип личности с точки зрения речевой культуры и способности к кооперации в общении. Ключевые изменения, определяющие динамику речевого портрета

политика в соответствии с требованиями нового социально-политического контекста, выражаются в содержательном наполнении аксиологической оппозиции «свои – чужие», а именно в увеличении круга «своих» за счет включения в их число представителей городской власти и сокращении числа чужих до «нескольких тюменцев» из областного руководства. Динамика оппозиции «свои – чужие», в свою очередь, детерминирует речеповеденческие трансформации в вербальном облике политика, которые проявляются, во-первых, в расширении спектра имиджеобразующих ролей за счет актуализации коммуникативной роли Командного игрока, а во-вторых, в варьировании тактико-вербального исполнения дискредитирующей стратегии в зависимости от объема дискредитации.

К закономерным изменениям в речи Е. Ройзмана, обусловленным влиянием содержательного поля мэрского дискурса (дискурса власти) и не показательным с точки зрения динамики речевого портрета политика, можно отнести целый ряд аспектуальных проявлений: увеличение количества семантико-когнитивных признаков в структуре ключевых концептов; увеличение метафорических репрезентаций в рамках ранее низкочастотных моделей и, напротив, сокращение метафорических словоупотреблений, маркирующих сферу предвыборного дискурса; увеличение контекстов, иллюстрирующих применение информационно-интерпретационной стратегии, обусловленное необходимостью комментирования различных проблем общегородского характера; увеличение количества социально-политической лексики, специфицирующей тематическое своеобразие выступлений Главы города и др.

Полученные в ходе исследования данные, таким образом, подтверждают идею о темпорально-дискурсивном варьировании речевого портрета политика и свидетельствуют об адекватности применяемой методики анализа, а также о целесообразности ее использования при изучении идиодискурсов других политических субъектов.

Основные положения диссертационного исследования изложены в 10 публикациях.

***Статьи в рецензируемых научных журналах,
включенных в реестр ВАК МОиН РФ:***

1. Никифорова, М. В. Коммуникативно-речевые характеристики политического деятеля в рамках жанра интервью [Текст] / М. В. Никифорова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11 (№3). – С.69-75 (0,5 п.л.).
2. Никифорова, М. В. Средства аргументации в жанре предвыборных теледебатов (на материале теледебатов с участием Е. Ройзмана) [Текст] / М. В. Никифорова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 131-136 (0,5 п.л.).
3. Никифорова, М. В. Стратегия дискредитация в дискурсе регионального политика (на материале индивидуальной речи мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана) [Текст] / М. В. Никифорова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 101-105 (0,31 п.л.).

4. Никифорова, М. В. Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои – чужие» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана [Текст] / М. В. Никифорова, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4. – С. 237-249 (0,45 п.л. / 0,45 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

5. Никифорова, М. В. Языковая личность политического деятеля: подходы к речевому портретированию [Текст] / М. В. Никифорова // Языковое образование сегодня – векторы развития : материалы V международной научно-практической конференции-форума. Екатеринбург, 17-18 апреля 2014 года / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 186-201 (0,31 п.л.).

6. Никифорова, М. В. «Свои – чужие» в предвыборном дискурсе мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана [Текст] / М. В. Никифорова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 30 – 31 января 2015 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – Ч. I. – С. 101-107 (0,5 п.л.).

7. Никифорова, М. В. Linguistic Personality Of A Politician In The Framework Of Cognitive Linguistics [Текст] / М. В. Никифорова // Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире : материалы 2-ой международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках. Екатеринбург, 26 марта 2015 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – Ч.2. – С. 52-55 (0,25 п.л.).

8. Никифорова, М. В. The Concept «Yekaterinburg» in the Discourse of the City's Mayor Eu. Roizman [Текст] / М. В. Никифорова // Обучая, вдохновляя: к новым высотам педагогического мастерства : материалы XXI международной конференции национального объединения преподавателей английского языка в России. Екатеринбург, 14 – 18 апреля 2015 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – Ч. 2. – С. 17-19 (0,13 п.л.).

9. Никифорова, М. В. Индивидуальный стиль как средство самопрезентации политика [Текст] / М. В. Никифорова // Акмеология профессионального образования : материалы XIII международной конференции, Екатеринбург, 14 – 16 марта 2016 / РГППУ. – Екатеринбург, 2016. – С. 120-124 (0,25 п.л.).

10. Никифорова, М. В.. Когнитивная оппозиция «свои – чужие» как оружие политической конфронтации в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана [Текст] / М. В. Никифорова, А. П. Чудинов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2016. – № 4. – С. 28 – 35 (0,25 п.л. / 0,25 п.л.).